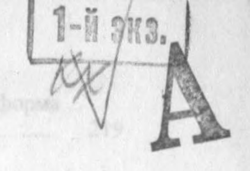

Издание Международной Ассоциации
Институтов истории стран СНГ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Проблемы истории стран СНГ

Основан в 2007 году
Выходит один раз в год

2012

Составители:
А.В. Шубин, М.С. Яковлев

МОСКВА • НАУКА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

РЕЦЕНЗИИ

Сдано в набор 17.11.2012 Подписано к печати 14.12.2012 Формат бумаги 70 × 100[1]/16
Печать цифровая Усл.печ.л. 21.5 Усл.кр.-отт. 13.5 Уч.-изд.л. 21.5 Бум.л. 8.25
Зак. 717

Учредитель – Международная ассоциация институтов истории стран СНГ

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а
E-mail: dir@igh.ru
Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПРОБЛЕМА УКРАИНИЗАЦИИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ 1920-х ГОДОВ

Е.Ю. Борисенок

Главный редактор журнала «Родина»

Аннотация: Статья посвящена политике украинизации в городах УССР (1920–1930-е гг.) Ключевые слова: национальная политика, история Украины XX в., украинизация

Summary: The article is dedicated to Soviet politics of Ukrainization of the cities of UkSSR (1920s-1930s)

Ключевые слова: национальная политика, история Украины XX века, украинизация

Key words: national policy, a history of Ukraine XX century, ukrainization

Советская политика национального строительства 1920-х годов призвана была существенным образом изменить как внешний, так и внутренний облик республик, т.е. не только определить их территорию, но и произвести качественные изменения социальных и культурных характеристик нации. В Украинской ССР имела место двойственная социокультурная ситуация, обусловленная украинским обликом села и преимущественно русским городом. К началу века крестьяне составляли 93% всех украинцев, тогда как среди городского населения украинцев было всего 30%[1]. При этом, чем меньше был город, тем выше был процент в нем украинского населения: в городах с числом жителей от 2000 до 15000 украинцы составляли около 50% населения, тогда как в крупных (свыше 100 000) – лишь 17%[2]. Русское население проживало в основном в городах (34%), где вместе с евреями (27%) оно составляло большинство населения[3]. Очень высок был процент русских среди пролетариата крупных городов Украины. Например, в 1923 г. среди рабочих и служащих Харькова насчитывалось 64,5% украинцев, 28,5% русских, 3,8% евреев, причем на украинском языке говорили 40,8% рабочих и служащих, читали – 55,7%, умели писать – 25,7%. В Киеве среди данной социальной категории было 49,5% украинцев, 32,5% русских, 10,2% евреев, а говорили на украинском языке – 45,7% (читали – 43,3%, писа-

[1] *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні XX с. Київ, 1997. С. 25, 40.

[2] Там же. С. 28.

[3] Там же. С. 27.

ли – 29,7%). Национальный состав рабочих и служащих в других крупных промышленных центрах был следующим: в Донбассе – 44,1% украинцев, 50,3% русских (говорили на украинском языке 30%, читали 21%, писали 16%); в Одессе – 23,7% украинцев, 36,4% русских, 31,6% евреев (говорили на украинском языке 18%, читали 7,2%, писали 4,3%)[4].

Поддержав лозунг создания украинского государства в советской форме, большевики стремились придать национальному по форме государственному образованию соответствующее содержание, трансформировав общественную жизнь на Украине не только в плане ее советизации, но и украинизации. Однако для этого необходимо было решить, каким образом поддерживать украинскую культуру в условиях, когда ее носителем было крестьянство, а рабочий класс был русским, какую культурную основу избрать для «смычки» пролетариата с крестьянством. Большевики Украины оказались перед выбором: сохранить ли русский облик рабочего класса или постараться приблизить его к культуре «коренной национальности». В 1920-е годы в партийной среде существовали приверженцы как первого, так и второго методов решения вопроса.

При этом немало коммунистов рассчитывало на естественный ход событий. Подобные идеи высказал председатель исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев на пятой конференции КП(б)У 17–20 ноября 1920 г.: «Мы плакать не станем, если украинский язык за пять лет станет языком коммунизма и на этом языке мы будем воспитывать деревню. Нам безразлично на каком языке деревня будет воспитываться. Это для нас один из второстепенных вопросов»[5]. То есть главным для него был вопрос не национальной культуры, а социальный. Зиновьев прямо заявил: «Мы считаем, что язык должен свободно развиваться. В конце концов через ряд лет победит тот язык, который имеет больше корней, более жизненный, более культурный, следовательно, наша политика заключается в том, чтобы не на словах, а на деле искренно и честно показать украинской деревне, что советская власть ей не помеха говорить и учить своих детей на каком угодно языке. Все это проводилось ЦК и ЦК был прав в своей политике»[6].

К осторожности в проведении украинизации призывал второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь. Выступая на пленуме ЦК КП(б)У 16–17 октября 1922 г. он с тревогой подчеркнул, что «фактически в низовых культурно-просветительных организациях, учреждениях Главполитпросвета и Наробразах выполняют работы *петлюровцы* (зачеркнуто и написано от руки – невыдержанные работники – Е.Б.), что в большинстве просвит до настоящего времени наш советский дух не проник достаточно. Там висели петлюровские портреты различных идеологов украинской буржуазии вплоть до Винниченко, что имело место в одном из Харьковских уездов. Все это говорит, что мы должны дать соответствующие указания в смысле решительной борьбы с такого рода извращением нашей линии в культур-

---

[4] *Стремецька В.О.* Участь профспілок в українізаційних процесах на півдні України в 1920-ті роки // Наукові записки НаУКМА. Т. 19. Ч. 1. Київ, 2001. С. 149.

[5] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 88.

[6] Там же. Л. 119.

ном строительстве»[7]. Однако Лебедь оговорился, что «наша линия остается прежней... в национальном вопросе всяческого поощрения советизации украинской культуры с одной стороны, решительной борьбы с национальной петлюровской интеллигенцией, – с другой, а также решительной борьбы с руссотяпством – с третьей стороны»[8]. Но в то же время, Лебедь признавал, что «достаточного количества работников для того, чтобы овладеть культурной работой, нет. *Очевидно, что придется специально поговорить, как этому делу помочь, в частности относительно учебы наших членов партии на украинском языке»* (выделенная фраза была вычеркнута из стенограммы – Е.Б.)[9]. Лебедя поддержал заместитель председателя СНК УССР, член политбюро ЦК КП(б)У М.В. Фрунзе, который также считал, что «в данный момент украинский язык является оружием борьбы с нами, борьбы с коммунизмом, нам все-таки надо попытаться овладеть этим оружием. Я другого выхода не вижу. ... Не надо забывать, что есть украинцы на Волыни, в Буковине, Галиции, Бессарабии...»[10]. В то же время другие коммунисты, как, например, Н.А. Скрыпник (в тот период – нарком юстиции, будущий нарком просвещения в 1927–1933 гг.), призывали к более активным действиям, настаивая на необходимости сделать украинский язык «языком коммунистического просвещения, а не выбрасывать за борт, и дать этим пищу чуждым шовинистически настроенным русским и украинским профессорам»[11].

Однако вопрос о том, какая культура более передовая, более сильная, какая победит, для многих коммунистов в этот период еще оставался открытым. Наибольший резонанс получила появившаяся накануне XII съезда РКП(б) так называемая «теория борьбы двух культур» Д.З. Лебедя. Для второго секретаря ЦК КП(б)У было очевидно, что «язык является не средством проведения национализма, а средством проведения советского, пролетарского, коммунистического влияния, и если в одних случаях хорош украинский язык, – им надо уметь воспользоваться, и, наоборот, там, где язык превращается в средство для национализации, во что бы то ни стало, украинизация не из сознания, а из чувства, там должна быть во время противопоставлена настоящая марксистская истина, что для коммунистов-интернационалистов национальный вопрос в принципе не существует, что это есть только одно из средств изменения быстроты социалистического строительства»[12]. Тем не менее Лебедь не призывал русифицировать крестьянство, но был против «украинизации во имя украинизации»[13]. По его мнению, «искусственное насаждение украинского языка в партии и рабочем классе, при нынешнем политическом, экономическом и культурном соотношении между городом и деревней – это значит стать на точку зрения низшей культуры деревни по сравнению с высшей культурой города»[14].

---

[7] Там же. Д. 92. Л. 11.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Там же. Л. 56.
[11] Там же. Л. 51.
[12] Там же. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2255. Л. 11.
[13] Там же. Л. 12.
[14] Там же.

Лебедь предлагал «изыскать сочетание между правильным теоретическим решением вопроса, давно уже имеющимся в партии и трезвым, реальным, и в то же время, не вредным социалистическому культурному строительству планом практического овладения партией культурной работой на селе»[15].

В этот период среди партийного руководства Украины было немало сторонников осторожного подхода к проблеме украинизации пролетариата. Накануне XII съезда появилась РКП(б) и статья под названием «Национальные моменты» другого партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП(б)У Э.И. Квиринга, в которой, в частности, указывалось: «Некоторые товарищи выдвигают принцип усиленной украинизации и, в частности, украинизации городского пролетариата и города вообще, чтобы тем самым облегчить связь между пролетариатом и украинским селом. Несмотря на добрые намерения указанных товарищей, их предложение все же сильно отдает украинским шовинизмом. Таким образом, вопрос ставится о прямом покровительстве одной культуре и искусственном ее насаждении»[16]. Квиринг считал, что «сама по себе украинская культура настолько сильна, что не нуждается в искусственной поддержке для своего естественного развития», «смычка культур – процесс длительный», а в «случае искусственного насаждения какой-либо культуры» неизбежны «острые конфликты, опасные для Советской власти». Взаимодействие же культур украинской и русской может принести только пользу, а не вред[17].

На XII съезде «теорию борьбы двух культур» осудили как шовинистическую, как попытку закрепить господство русской нации над другими, более отсталыми. В пункте 7 резолюции по национальному вопросу было отмечено: «Положение в ряде национальных республик (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Туркестан) усложняется тем, что значительная часть рабочего класса, являющегося основной опорой советской власти, принадлежит к великорусской национальности. В этих районах смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма, как в партийных, так и советских органах. В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии»[18].

После съезда в подходе к вопросу о взаимоотношениях русского города и украинского села наметились изменения. 20–22 июня 1923 г. прошел Пленум ЦК КП(б)У, на котором лидер украинских коммунистов Э.И. Квиринг, делая доклад по национальному вопросу, обратил внимание на «неравенство культур украинской и русской на Украине в смысле отсталости украинской», и предложил «считать на первое время культуру украинскую

---

[15] Там же.

[16] *Квиринг Э.И.* Национальные моменты (к XII съезду партии – в порядке обсуждения) // Э.И. Квиринг. Избранные речи и статьи. Киев, 1988. С. 105.

[17] Там же. С. 105–106.

[18] XII съезд. Стенографический отчет. М., 1968. С. 693–694.

привилегированной»[19]. Более энергично стали выступать приверженцы активного проведения политики украинизации, среди которых были, в основном, бывшие члены украинских левых политических партий. Так, бывший боротьбист А.Я. Шумский, будущий нарком просвещения Украины (1924–1927), признавая недопустимость «принудительности», в то же время настаивал на необходимости создания украинской интеллигенции из рабочей среды[20].

Д.З. Лебедь, несмотря на прозвучавшую в его адрес критику, попытался предостеречь от чрезмерного увлечения украинизацией среди пролетариата. В письме к «членам комиссии по разработке мероприятий нацполитики тт. Раковскому, Квирингу, Фрунзе, Затонскому и члену политбюро Петровскому» от 25 июня 1923 г. он указывал на «опасность вызвать отрицательное настроение в рабочих промышленных центрах резким переходом к украинизации. Нельзя забывать, что если нам надо считаться с национальными настроениями крестьянства, то тоже необходимо учитывать и в отношении рабочих»[21].

Однако все чаще стали раздаваться голоса о том, что пролетариат на Украине по этническому происхождению является украинским, однако подвергшимся русификации царского правительства. Так, в 1925 г. свое мнение по поводу национального вопроса на Украине высказал секретарь ЦК КП(б)У В.П. Затонский. Он считал, что на Украине пролетариат («хотя и вышедший из украинского села в город»), «поддался влиянию русской культуры», что было «здоровой тягой к единству рабочего движения». При этом когда «на севере победила революция, а на Украине Петлюра», в пролетарских районах «самый украинский язык считался контрреволюционным». Однако сейчас, подчеркивал Затонский, «было бы величайшей нелепостью предполагать, что национальный вопрос на Украине может быть окончательно разрешен при условии, если пролетариат и крестьянство будут и впредь национально обособлены». В данной ситуации, по его мнению, «лучшим выходом была бы украинизация пролетариата» (потому что «русификация крестьянства вещь немыслимая, а поэтому вредная»), однако насильно украинизировать рабочих нельзя, «можно лишь помогать естественному ходу вещей, «не входя в столкновения с непосредственным желанием масс», делать все, чтобы рабочие не забывали «своей украинской речи», украинизировать школы для детей рабочих[22].

Известный исследователь Ю. Шевелев подчеркивал смену мотивации украинизационного курса после официального осуждения «теории борьбы двух культур». Если в 1923 г. украинский язык ассоциировался с селом, а украинскую культуру большинство партийцев склонно было считать более «низкой» по сравнению с русской, то позже (Шевелев называет в качестве рубежа 1926 г.) партийные работники стали избегать увязывания украинского языка и культуры с селом[23]. Действительно, в 1926 г. вышла

---

[19] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112 Л. 24.
[20] Там же. Л. 25.
[21] Там же. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1660. Л. 14.
[22] Там же. Д. 2016. Л. 1–4.
[23] *Шевельов Ю.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці, 1998. С. 92–93.

книга заместителя заведующего агитпропотделом ЦК КП(б)У А.А. Хвыли «Национальный вопрос на Украине», в которой прямо указывалось, что «большинство рабочего класса на Украине было подвергнуто русификаторской политике; меньше эта политика проникла в крестьянство»[24]. Действительно, по данным переписи, произведенной ВУСПС в апреле 1926 г., национальный состав украинского пролетариата (за исключением безработных и батрачества) был следующим: украинцев – 49,9%; русских – 31,6%; евреев – 12,8%; прочих – 5,7%[25]. Что касается разговорного языка рабочих и служащих, то здесь картина имела существенные отличия от полученных данных по национальному составу: на украинском языке говорили – 33,2%; русском – 66,0%; еврейском – 7,5%; прочих – 3,1%[26]. Среди грамотных рабочих на украинском языке читали – 40,2%; русском – 91,2%; еврейском – 7,1%; прочих – 6,2%[27].

После того, как рабочие были признаны украинцами по происхождению, но подвергшимися русификации, вопрос об украинизации пролетариата уже не мог вызвать удивления. Одним из главных сторонников украинизации пролетариата был нарком просвещения А.Я. Шумский. На апрельском пленуме ЦК КП(б)У 1925 года он отметил «уклон в сторону украинизации, главным образом, советского аппарата, соприкасающегося с селом, и низового сельского просвещения, оставляя почти незатронутыми украинизацией партийную жизнь, партийный аппарат и жизнь рабочих организаций»[28]. «Я считаю, – заявил Шумский, – что пролетариат может быть приобщен к украинской общественно-культурной жизни и может и должен занять в ней руководящую роль…» [29].

В вопросе об украинизации пролетариата А.Я. Шумский был согласен с мнением писателя и публициста Н.Г. Хвылевого. Последний требовал серьезного подхода к украинизации пролетариата, на «прививке» ему украинской культуры, чтобы никто не отважился говорить, что «рабочий класс у нас русский». Именно таким образом он понимал руководящие установки партии – «потому что так наказывает нам наша партия»[30]. Мы должны, писал Хвылевой, так организовать «идеологию нашей прессы, наших литературных сил», чтобы фактическим идеологическим гегемоном был пролетариат. «Но каким же образом пролетариат будет играть первую скрипку, если для него украинская культура до сих пор terra incognita?»[31]. Вывод Хвылевого достаточно жесткий: «…Пока пролетариат не овладеет украинской культурой, до тех пор нет никакой уверенности, что культурная революция на Украине даст нам желаемые результаты»[32]. К украинизации пролетариата нужно подходить крайне серьезно, подчеркивает Хвылевой,

---

[24] *Хвыля А.* Национальный вопрос на Украине. Киев, 1926. С. 21.
[25] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2632. Л. 53.
[26] Там же. Л. 53 об.
[27] Там же.
[28] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 44.
[29] Там же. Л. 52 об.
[30] *Хвильовий М.* Новели, оповідання «Повість про санаторійну зону», «Вальдшнепи». Роман. Поетичні твори. Памфлети. Київ, 1995. С. 698.
[31] *Хвильовий М.* Апологети пи саризму (До проблем культурної революції) // *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? Памфлети. Київ, 1993. С. 202.
[32] Там же.

поскольку это является для пролетариата единственным способом овладеть украинской культурой, а украинизация – это воля 30-миллионной нации[33].

Однако данная точка зрения не пользовалась безусловно поддержкой большинства украинского ЦК. Чтобы усилить свои позиции, в апреле 1926 г. украинский нарком решил обратиться за помощью лично к И.В. Сталину. Однако тот не согласился с мнением А.Я. Шумского, поскольку последний «смешивает украинизацию наших партийного и иных аппаратов с украинизацией пролетариата». Украинизировать партийный и государственный аппарат необходимо, отмечал Сталин в письме к украинскому партийному руководству, однако «нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя *заставить* русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета». По мере развития промышленности изменится и состав рабочего класса, но «это процесс длительный, стихийный, естественный», и нельзя «пытаться заменить этот стихийный процесс насильственной украинизацией пролетариата сверху»[34]. Письмо Сталина «Кагановичу и другим членам политбюро ЦК КП(б)У» было написано 26 апреля 1926 г., а 12 мая, на заседании политбюро ЦК КП(б)У Каганович заявил, что «…надо внести ясность в вопрос об украинизации русских рабочих. …партия не применяет и не применит к ним насильственной украинизации»[35]. Речь может идти только о том, чтобы убеждать русских рабочих приобщиться к украинской культуре для укрепления связи с коренными массами украинских трудящихся[36].

Позже, пытаясь пояснить свою точку зрения, А.Я. Шумский написал письмо редактору «Правды» Н.И. Бухарину (7 июня 1928 г.), в котором отвергал обвинения в свой адрес и настаивал, что всегда «не уставал говорить именно о роли партии и рабочего класса в решении национального вопроса»[37]. «Пока партия не заговорит по-украински и не втянет в процесс строительства украинской социалистической культуры рабочий класс, все наши резолюции, декреты, украинизация соваппарата и бумаг не только не достигают основного в решении национального вопроса, но могут послужить оружием против партии и рабочего класса, поскольку госаппарат, т.е. в основном интеллигенция и городское мещанство, украинизуясь, будет смыкаться с крестьянской массой, а партия и рабочий класс будут жить русской языковой культурой»[38], – оправдывался Шумский. При этом он утверждал, что никогда не был сторонником насильственной украинизации рабочего класса, а, напротив, сторонником пропагандистских методов приобщения к украинской культуре «не только русской части пролетариа-

---

[33] Там же. С. 203–204.

[34] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 8. М., 1948. С. 151–152.

[35] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 21.

[36] Там же. Л. 21–22.

[37] Там же. Д. 135. Л. 177.

[38] Там же. Л. 178.

та, но и основной массы рабочего класса Украины – русифицированных украинцев»[39].

В июне 1926 г., на Пленуме ЦК КП(б)У Н.А. Скрыпник уже следующим образом сформулировал позицию в отношении пролетариата: «Темп украинизации мы должны регулировать в зависимости от того, где мы ее проводим: среди той части рабочего класса, которая складывается из пролетариев-русских, или среди той части рабочего класса, что говорит на смешанном полуукраинском языке. Партия ставит себе вопрос об украинизации полурусифицированных рабочих. Вместе с тем мы обязаны твердо сказать, что не будет проводиться никакой принудительной украинизации в отношении русской части рабочего класса и вообще русских рабочих и крестьян. Тут стоит вопрос агитации, переубеждения рабочих, что им обязательно нужно знать украинский язык… … Города, что были до этого времени русскими, объективно придут к тому, что они станут украинскими»[40]. Таким образом, Скрыпник сформулировал теорию о двух типах русскоязычных рабочих на Украине: одни, украинского происхождения, подверглись частичной русификации и разговаривали на «смешанном языке», другие были «настоящими» русскими. Первым украинизация должна была помочь «вернуться» к своим корням, а вторым украинизация должна была помочь познакомиться с украинской культурой. При этом детей, говорящих, по выражению Скрыпника, на смешанном украинско-русском языке (т.е. тех, кто по национальности считался украинцем, а в качестве родного языка называл русский), нарком требовал обучать на украинском языке, поскольку «языковой основой их говора является язык украинский»)[41].

По мнению Ю. Шевелева, скрыпниковская теория об украинских рабочих, забывших родной язык, была весьма схожа с теоретическими построениями румын относительно буковинцев: последние считались румынами, утратившими родной язык, и подлежали румынизации[42]. Ю. Шевелев также подчеркивал, что мировая история знает случаи, когда в процессе индустриализации, под давлением села, язык города менялся. Однако это был процесс длительный, а украинские руководители склонны были торопиться (по выражению Шевелева, «не хотели ждать ни минуты»): они хотели видеть индустриальные центры Украины украинскими еще до начала массовой миграции крестьян в города, чтобы новоприбывшие не оказались в русскоязычном окружении[43]. Действительно, такая торопливость Харькова не могла не остаться незамеченной. В последнем номере «Большевика» за 1926 год и в первом номере за 1927 год была опубликована статья Ю. Ларина (члена Президиума ВСНХ и Госплана) «Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения)», в которой, среди прочего, речь шла и о положении в пролетарских районах Украины. Ларин критиковал принудительную украинизацию профсоюзной работы в некоторых областях (как, например, в Харькове), где «только одна шестая

[39] Там же.

[40] Там же. Ф. 17. Оп. 26. Д. 1. 143 об.

[41] *Єфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ, 2001. С. 144.

[42] *Шевельов Ю.* Указ. соч. С. 97.

[43] Там же. С. 97–98.

часть членов умеет говорить по-украински»[44]. Перевод на украинский язык делопроизводства и периодических изданий, по мнению Ларина, вел к «понижению общего уровня культуры в рабочей среде», вызывал раздражение среди рабочих[45]. Впрочем, Ларин не отрицал необходимости «ознакомления с украинским языком деятелей профдвижения и всего рабочего класса на Украине», выступая против «перегибов», устранения русского языка из общественной жизни[46].

Фамилия Ларина стала для украинского политического руководства синонимом уклона к великодержавничеству. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У, состоявшемся 26 февраля – 3 марта 1927 года, Ларин был назван «выразителем русского шовинизма»[47]. В том же году в июньском номере журнала «Більшовик України» была опубликована статья наркома РКИ и главы ЦКК ЦК КП(б)У В.П. Затонского, в которой подчеркивалось, что «партия должна твердо, систематически и терпеливо пояснять рабочему классу Украины его ответственность за укрепление единства с украинским селом. Она обязана убедить его принять активное участие в украинизации»[48].

«Убеждали» рабочих путем перевода на украинский язык школ, периодических изданий и работы профсоюзов. Судя по сохранившимся в архиве «данным по обследованию национального состава рабочих и служащих Украины на май 1926 г.», украинцы предпочитали выписывать газеты и журналы на русском языке (78,9% против 20,5% украинских изданий), а среди русских эта цифра достигала 96,1% (на украинском – только 3,2%)[49]. Партийное руководство стремилось эту ситуацию изменить. В 1929 г. количество пунктов ликвидации неграмотности с украинским языком составило 7700, а с русским – 990[50]. На 1930-й год количество украинских начальных школ достигло 14430, а русских сократилось до 1504[51]. В 1931 г. удельный вес книжной продукции на украинском языке составил по названиям – 76,9% (русских – 13,7%), а по тиражу – 87,3% (русских – 9,3%)[52]. В 1933 г. из 106 журналов 83 издавались на украинском языке, 11 – русском, а часть украиноязычных газет составила 89%[53]. Определенные усилия были предприняты для украинизации профсоюзов: прежде всего тех, что были непосредственно связаны с украинскими крестьянскими массами (в сахарной, лесной промышленности, просветительской сфере и др.). Речь

---

[44] *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1926. № 23–24. С. 55.

[45] Там же.

[46] *Ларин Ю.* Об извращениях при проведении национальной политики (в порядке обсуждения) // Большевик. 1927. № 1. С. 61.

[47] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 253. Л 13.

[48] *Затонський В.* Матеріяли до українського національного питання // Більшовик України. 1927. № 6. С. 16.

[49] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2249. Л. 35

[50] Культурне будівництво в Українській РСР. Важливіші рішення Комуністичної партії і радянського уряду. 1917–1959 рр. Зб. Док. Т. 1 (1917 – червень 1941). Київ, 1959. С. 450.

[51] *Шевельов Ю.* Указ. соч. С. 95.

[52] *Агуф М.* Преса УСРР. До XV роковин Жотвня. Партвидав «Пролетар», 1932. С. 81.

[53] *Єфіменко Г.Г.* Указ. соч. С. 254.

шла, прежде всего, об изучении украинского языка работниками аппарата профсоюзов и о повышении доли среди них украинцев. Работники профсоюзов, в свою очередь, должны были приобщать к украинскому языку и культуре своих подопечных, т.е. вести культурно-просветительскую деятельность путем организации профсоюзных клубов, библиотек, чтения лекций.

По мнению американского исследователя Терри Мартина, «по отношению к рабочим партия всегда применяла только убеждение», и акцент делался на культурной работе, проводимой на украинском языке[54]. К украинскому языку охотно прибегали в обстоятельствах, требовавших пассивного знания украинского, на мероприятиях, на которых рабочим приходилось говорить (собрания, дискуссии) проходили преимущественно на русском языке: количество украинских театров для рабочих в 1931 г. достигло 75%, в 1933 г. количество украинских книг в профсоюзных библиотеках возросло до 38%, а в начале 30-х годов на многих заводах количество подписок на украинские газеты были таким же, как на русские[55]. Правда, при этом исследователь подчеркивает, что «из этого не следовало, что все эти книги и газеты читались»[56].

Активные усилия украинизаторов вызывали недовольство в русской рабочей среде. Были случаи, когда рабочие срывали объявления только потому, что они были написаны по-украински. Иногда составленные на украинском языке коллективные договоры забрасывались грязью[57]. Шахтеры Артемовского округа признавали, что «у них на шахтах по-украински говорят только в шутку, а если говорят о чем-то серьезном, то только по-русски»[58]. Рабочие юго-восточных промышленных областей УССР к необходимости изучения украинского языка относились явно негативно. Даже те из них, кто немного владел украинским, не пользовались им. «Некоторые товарищи знают много украинских слов и фраз, но "стесняются" начать говорить, – сообщалось в одной из пропагандистских брошюр Днепропетровской окружной комсомольской организации. – Такое стеснение беспочвенно и достаточно наивно, ибо зазорно теперь совсем не знать украинского языка»[59]. В декабре 1931 г. агитпропотдел ЦК, изучив состояние украинизации в Донбассе, сделал вывод, что приезжавшие на заводы Донбасса украинские крестьяне вначале, как правило, говорили по-украински, но над ними начинали смеяться, и они «потом от украинского языка отказывались»[60]. В профсоюзном отчете 1931 г. отмечалось, что рабочие отказались от украинского даже и на заводах, где украинцы составляли большинство, как это было на заводе в Киеве[61].

---

[54] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 142.

[55] Там же. С. 146.

[56] Там же.

[57] *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 208.

[58] Там же. С. 209.

[59] За цілковиту українізацію! Чому треба вивчати українську мову та як її треба вивчати. Дніпропетровск, 1929. С. 11.

[60] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 147–148.

[61] Там же.

Украинское руководство вынуждено было обратить внимание на создавшееся положение. Так, в резолюции политбюро ЦК КП(б)У «Об итогах украинизации» от 1 апреля 1927 г. констатировался рост «шовинистических настроений, как среди русских, так и среди украинских элементов мелкой буржуазии, пытающихся оказать влияние на рабочий класс и даже на отдельных членов партии»[62]. Украинское руководство, хотя и декларировало «дальнейшее решительное и твердое проведение украинизации, с обеспечением интересов национальных меньшинств», вынуждено было признать, что обеспечение культурных интересов русского национального меньшинства «должно проводиться наравне с прочими нацменьшинствами». При этом, «поскольку русский язык является языком значительной части рабочих, а местами (и как раз в наиболее промышленных районах) большинства рабочих», за русским языком было признано «особое значение по сравнению с языками прочих нацменьшинств на Украине». Имелось в виду обязательное преподавание русского языка в школах, обязательная публикация правительственных распоряжений наряду с украинским, также и на русском языке. Впрочем, все это «не может служить прикрытием для попыток создать для русской культуры на Украине господствующее положение, которым она пользовалась при царизме»[63].

В этой ситуации, ВУСПС, принимая 14 февраля 1928 г. постановления по украинизации профсоюзов и об обслуживании профсоюзами культурно-национальных потребностей работников разных наций, посчитало необходимым сначала «разъяснить... широким массам и в первую очередь русским и русифицированным кругам суть и задачи национальной политики партии с тем, чтобы убедить эти массы принять активное участие в украинизации», а уже затем – «помочь этим массам овладеть украинским языком», «познакомить эти массы с украинской культурой». «Всю работу в этом направлении необходимо проводить на основе убеждения рабочих масс в необходимости овладения украинским языком ..., не допуская в то же время насильственного принуждения разных групп рабочих, не украинцев по национальности, отказаться от своего родного языка», – было отмечено в постановлении[64].

Однако убедить рабочих в необходимости «приобщиться к украинской культуре» оказалось очень сложно. Оргбюро ЦК КП(б) в своей резолюции по докладу о состоянии украинизации в промышленных округах, принятой в августе 1929 г. под грифом «совершенно секретно», вынуждено было констатировать: «...в промышленных округах проведение в жизнь директив X съезда КП(б)У и ЦК КП(б)У об украинизации явно недостаточное, до сих пор носит кампанейский характер... отношение к украинизации остается формальным. Исполнение директив... остается на низком уровне»[65]. Особенно трудно украинизация шла в Донбассе: украинский ЦК вынужден был признать, что «рудоуправления Донбасса не применяют никаких мер в отношении претворения в жизнь директив партии и советских органов

---

[62] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2455. Л. 1.
[63] Там же.
[64] Там же. Д. 2632. Л. 26.
[65] Там же. Д. 2894. Л. 109.

в отношении украинизации и тем самым объективно играют тормозящую роль»[66].

Таким образом, в директивных документах подчеркивалась необходимость разъяснительной работы, но в то же время ЦК КП(б)У проявлял явное недовольство скоростью украинизационных процессов в промышленных районах и по мере сил пыталось ускорить процесс украинизации города. Впрочем, борьба с украинским национализмом, развернувшаяся после известного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в западных областях», внесла коррективы в планы украинского руководства. Н.А. Скрыпнику были предъявлены обвинения в националистическом уклоне. 23 февраля 1933 г. он был снят с должности наркома просвещения, что послужило началом «антискрыпниковской» кампании. На очередном пленуме ЦК КП(б)У в июне 1933 г. бывший нарком вынужден был заявить: «Во многих случаях я лично и сам ошибался»[67]. Политбюро ЦК КП(б)У потребовало от виновного официального документа с признанием ошибок. Как известно, такое давление привело к печальным последствиям: 7 июля 1933 г. Скрыпник покончил жизнь самоубийством.

В очередном номере журнала «Більшовик України» появилась статья В.П. Затонского, в которой были озвучены новые установки украинизации: «Из-за усиления борьбы с местными украинскими националистами во враждебных кругах стали раздаваться разговоры и сплетни о смене нашей национальной политики, о ликвидации украинизации и т.п. Это глупости. Мы и дальше будем разворачивать национально-культурное строительство, будем проводить украинизацию. Мы будем требовать и от учителя, и от врача знания украинского языка, будем требовать этого от партийца, который работает на Украине, но если украинизацию понимать как способ дерусификации пролетариата, если принудительно загонять ребенка другой национальности в украинскую школу – это не наша большевистская украинизация, это позорное националистическое извращение»[68]. Среди прочего, Скрыпнику поставлена в вину «теория дерусификации», в основе которой был «тезис о смешанном говоре»: «Таким образом, не самоопределение населения ставилось во главу угла, а “объективные признаки” синтаксической языковой основы, обозначать которую может, конечно, только квалифицированный языковед»[69]. Затонский в своей статье утверждал, что имела место принудительная украинизация, в частности, «обеспеченность русского нацменьшинства школой составляла 40–50–60%»[70]. Такое игнорирование потребностей русского населения, в том числе пролетариата, было признано ошибкой.

Присланный Сталиным для укрепления партийного руководства Украины П.П. Постышев, разоблачая Н.А. Скрыпника на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г., особо отметил неправильное толкование национального вопроса:

---

[66] Там же. Л. 110.

[67] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 66. Л. 83 об.

[68] *Затонський В.П.* З питань національної політики на Україні // Більшовик України. 1933. № 9–10. С. 110.

[69] Там же. С. 111.

[70] Там же.

по его мнению, украинский нарком подменял задачу борьбы за воспитание классового пролетарского самосознания задачей развития национального сознания[71]. Весьма показательно, что выступавший на съезде председатель ВУЦИК Г.И. Петровский в стенограмме своего выступления заменил выражения «украинские большевики» на «большевики Украины», а «украинский пролетариат» – на «пролетариат Украины»[72].

Украинские руководители вынуждены были признать факты «механической украинизации» среди русских детей: в выступлении на совете Наркомпроса в феврале 1933 г. Скрыпник заявил, что 9% русских детей обучались на украинском языке[73]. В результате в Донецкой, Днепропетровской и Одесской областях наметился «обратный» процесс перехода – на русский язык обучения[74], что вызывало недовольство украинского ЦК. 29 августа 1935 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло резолюцию «Об украинизации в областях», в котором говорилось, что Донецкий, Днепропетровский и Одесский обкомы занимаются делом украинизации недостаточно, и Отделу пропаганды и агитации ЦК КП(б)У поручалось организовать их специальное обследование. Следовало обратить внимание на горсоветы, школы, профсоюзы, партпросвещение и все культурные учреждения, а также комсомольскую и пионерскую работу, работу партийных аппаратов обкомов, райкомов, горкомов. Проверка была проведена, и вышеуказанные областные парторганизации подвергнуты суровой критике за то, что работа партийных и советских организаций велась на русском языке[75]. Тем не менее, новых призывов к дерусификации пролетариата не последовало. Согласно официальной точке зрения, высказанной В.П. Затонским, «теперь, при быстром росте промышленности на Украине, исторически неминуем процесс украинизации города...»[76].

Действительно, на XIII съезде КП(б)У в 1937 году первый секретарь ЦК КП(б)У С.В. Косиор не без гордости заявил: «Среди всех рабочих и служащих промышленности Украины в 1929 г. было 47,9% украинцев, а в 1934 г. уже 59,7%... По переписи 1926 г. среди инженеров было 14,3% украинцев, в 1930 г. было уже 40%, а в 1934 г. среди инженерно-технического персонала промышленности и строительства было 48,8% украинцев»[77]. Современный исследователь Б. Кравченко также отмечает значительное увеличение украинцев среди пролетариата. Если перепись населения 1926 г. в УССР показала низкий процент украинцев среди рабочего класса и служащих (урбанизация украинского населения достигала всего 11%), то к 1939 г. численность украинцев среди рабочих достигала уже 66,1%, служащих – 56%[78]. По мнению ученого, этот процесс сопровождался ростом национализма в рабочей среде, поскольку значительная часть пополнивших ряды пролетариата украинских крестьян была «национально сознательным

---

[71] РГАСПИ. Ф. 59. Оп. 2. Д. 1. Лл. 52–53.
[72] Там же. Лл. 66, 67.
[73] *Єфіменко Г.Г.* Указ. соч. С. 144.
[74] Там же. С. 164–165.
[75] Там же. С. 92.
[76] *Затонський В.П.* З питань національної політики на Україні. С. 112.
[77] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 4665. Л. 22 об., 23 об.
[78] *Кравченко Б.* Указ. соч. С. 173.

сельским элементом»[79]. Однако обоснованность подобного вывода другие специалисты справедливо подвергают сомнению. Например, Терри Мартин подчеркивает, что тотальной украинизации языковой сферы так и не удалось добиться, и украинизация пролетариата развивалась в направлении создания двуязычной территориальной украинской идентичности, открытой как для этнических украинцев, так и для русских[80].

Таким образом, проблема национального облика рабочего класса весьма остро обсуждалась партийным руководством УССР в 1920-е годы. При этом первоначально ставка делалась на естественный ход событий. В данном случае выдвинутая Д.З. Лебедем теория отражала попытку большевиков решить вопрос о месте и роли национальной культуры при социализме, о том, необходимо ли развивать ее, или интересы мировой революции требуют совершенно иного. Однако принятый на XII съезде партии в 1923 г. курс на коренизацию партийного и государственного аппарата в национальных республиках, который должен был обеспечить национальный облик советской власти на местах, перевел вопрос о национальном облике города в практическую плоскость. Во второй половине 1920-х годов украинским партийным руководством была предпринята попытка модифицировать этнокультурный облик рабочего класса «административно-добровольными» методами. Усилия Н.А. Скрыпника были направлены на внедрение украинской идентичности в пролетарскую среду, и, таким образом, укрепление украинской советской культуры в городе. Однако достичь запланированных результатов Скрыпник не смог. Русская культура в городе занимала очень сильные позиции, и изменить их за короткое время было невозможно. К тому же развернувшаяся в 1930-е годы борьба с украинским национализмом заставляла избегать крайних мер. Украинское руководство решило придерживаться уже опробованных ранее лозунгов о недопустимости принудительных мер, рассчитывая на то, что бурное экономическое развитие, ставшее возможным благодаря большевистской индустриализации, так или иначе приведет к изменению национального облика рабочего класса и городского населения Украины.

[79] Там же. С. 170–171.

[80] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 149–150.